

Е.А. ГРИЦЕНКО, д.э.н., профессор,
Национальная юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АНОМАЛИИ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРАТОЛОГИИ

Наличие аномальных и патологических состояний в экономике должно стать объектом специального анализа по аналогии с медициной, которая имеет специальные отрасли, изучающие человеческие патологии. Институциональная теория в предмет своего исследования должна включать закономерности функционирования не только «нормального общества», но и институциональных патологий. Такой теорией может стать экономическая тератология (с гр. *teras* – чудовище, урод), которая будет изучать причины происхождения, формы и механизмы функционирования патологических (уродливых) состояний в экономической сфере жизнедеятельности общества. Тератология может быть подразделена на общую и частную. Первая – отыскивает и устанавливает законы, которые лежат в основе возникновения разного рода отклонения от нормы. Общая тератология не ставит своей целью рассмотрение отдельных видов нарушений (отклонений, девиаций, правонарушений, преступлений) и условий, которые вызывают частные виды патологии. Она исходит от функции какого-либо процесса или системы общества и определяет – в чем заключаются отклонения от нормального жизненного процесса. Частная тератология изучает и классифицирует разнообразные аномальные состояния экономики, возникающие в различных сферах хозяйственной жизни и имеющие специфические черты. Сегодня в России издается журнал и читается курс «Экономическая теория преступления и наказания», основанный на методологии «экономического империализма», т.е. использовании макроэкономического анализа в исследовании таких неэкономических явлений, как преступления и санкций за их совершение. В отличие от предмета данного спецкурса, экономическая тератология исследует причины и закономерности различных видов аномалий и патологий в экономике (к примеру, взяточничество, уклонения от налогов, рейдерство, «отмывание» денег и т.п.).

Различия между аномальностями и уродствами (патологиями) проявляются не только в количественной мере (насколько глубоко они проникают в экономическую ткань общества), но и характеризуются качественными призна-

ками. Аномалия становится патологией, если она не совместима с функционированием тех или иных экономических процессов. Если аномалии нарушают экономический порядок, то патологии разрушают его. Ни у кого не вызывает сомнение тот факт, что патологической характеристикой общества является преступление, – пишет Э. Дюркгейм, известный социолог, один из первых, начавший исследование различия между нормальным и патологическим состоянием общества. Но преступления выполняют важную функцию в обществе, являя его болезни, излечение от которых способствует дальнейшему развитию социальных отношений [1, с. 6].

Если институциональная теория в целом основана на изучении нормативных моделей функционирования общества и поведения людей, то исходным пунктом познания экономической тератологии должно стать такое состояние общества, которое складывается в результате отсутствия или недостатка норм. Такое явление получило название аномия, (от франц. *anomie* – беззаконие, безнормность). В буквальном переводе аномия означает отсутствие, недостаток норм или их не соответствие потребностям индивидуального и общественного развития. Теория аномии возникла в социологии и связана с историко-эволюционной концепцией Э. Дюркгейма, который вводит это понятие при противопоставлении «традиционного» (феодалного) и современного промышленного обществ. Аномию необходимо включить в предмет институциональной теории как одну из ключевых категорий, являющейся сопряженной с понятием «норма». Интересно, что всестороннее исследование аномии в учении Э. Дюркгейма было непосредственно связано с исследованием последствий разделения труда, которое, как известно, является ключевым понятием экономической теории. Аномию можно рассматривать, с одной стороны, как отсутствие норм (законов) в обществе, а с другой – отрицание (непринятие по разным причинам) норм со стороны людей. Первая сторона отображает объективный аспект аномии, вторая – субъективный. Выделение разных сто-

© Е.А. Гриценко, 2009

рон в природе аномии меняет ориентиры практической деятельности по институционализации общества. Одно дело, когда законы есть, но население – в силу самых разных причин – не стремится их соблюдать. И совсем другое дело, когда общество – в лице исполнительной или законодательной власти – не создало эффективные законы или они бездействуют (опять таки в силу разных обстоятельств).

Аномию следует рассматривать как всеобщее основание институциональных аномалий, что позволяет сделать ее исходным пунктом изучения тератологии, объясняющей сущность и происхождение патологических отклонений в экономике. По словам Э.Дюркгейма, характеристика общества как «здорового» или «нездорового» («патологического») определяется тем, насколько в нем институциональный порядок способен адаптироваться к происходящим изменениям. Общество, в котором такой адаптации не происходит, определяется Э.Дюркгеймом как «патологическое» [1, с. 80, 82-83].

В классическом смысле аномию определяют как такое состояние индивидуального и общественного сознания, при котором происходит разложение системы ценностей, обусловленное кризисом общества, противоречием между провозглашенными целями и невозможностью их реализации. Общераспространенным является рассмотрение аномии в нескольких аспектах. Прежде всего, это состояние общества, в котором для значительной части его членов утрачены значимость норм и предписаний и потому относительно высока частота отклоняющегося и саморазрушительного поведения. Во-вторых, существующие и обязывающие, но не воспринимаемые нормы, формируют негативное или равнодушное отношение к ним, что характеризуется низкой степенью воздействия норм на индивидов, неэффективностью функций регулирования поведения. В-третьих, отсутствие эталонов, стандартов сравнения с другими людьми, позволяющих оценивать индивидам их социальное положение и выбрать образцы поведения, что усиливает степень их неопределенности, формирует «потерянное» состояние, без чувства солидарности со своей группой. В-четвертых, несоответствие и разрыв между универсальными целями и ожиданиями, одобряемыми в данном обществе, и социально приемлемыми, «санкционированными» средствами их достижения, что в силу практической недоступности для всех этих целей толкает многих людей на

незаконные пути их достижения [2, с.17-18]. Наличие аномии свидетельствует о нарастающей угрозе заболевания всего общественного организма. Вначале аномия подобно анемии (малокровию живого организма) незначительно нарушает функции здорового организма, а затем, разрастаясь, превращается в патологию, несущую необратимую гибель. Поскольку институциональные патологии являются результатом аномии общества, возникает необходимость ее всестороннего изучения.

В отличие от существующих позиций исследования аномии, по нашему мнению, необходимо различать всеобщую, межсистемную и внутрисистемную аномию. Всеобщая форма аномии связана с тем, что появление новых институтов всегда отстает от объективно-эволюционного развития экономики. Поэтому экономическое развитие сталкивается с недостатком функционирования нужных институтов (особенно формального характера, возникновение которых носит дискретный характер). Институциональные образы складываются на основе отражения реальной действительности, а значит, они не могут возникать раньше, чем появляются сами условия, их обуславливающие. Привычки, установки, стереотипы «можно трактовать как вполне рациональные повторяющиеся действия» [3, с.174], которые складываются в институциональные образы поведения на достаточно длительном историческом отрезке времени. Основное противоречие всеобщей формы аномии заключается в том, что институциональное обустройство экономики идет по пути замены институтов определенности, где поведение индивидов совершается в системе иерархических связей, четко определяющих функции и возможности человека внутри жесткой экономической конструкции, институтами свободы (неопределенности), в рамках которой человек вынужден самостоятельно принимать решения и нести бремя персональной ответственности. Социально-экономическая эволюция порождает двойственный процесс, с одной стороны, подрывает силу коллективного надзора, устоявшиеся традиционные границы поведения, а с другой увеличивает «индивидуализацию», расширяя степень свободы личности от общественных нравов и предрассудков и возможности свободного выбора способов действия. Одна из главных социально-исторических причин всеобщей формы аномии – обособление и отчуждение норм и правил, уничтожение или утрата прежних функций институтами и группами,

промежуточными между индивидом и государством. Как не странно, но человек чувствует себя более защищенным и свободным в жесткой традиционной институциональной среде с ограниченным выбором занятий, чем в условиях неопределенности, где ему необходимо подчиняться универсальным нормам, формально равными для всех. Безусловно снятие внутренних противоречий аномии происходит не через искусственную задержку или реставрацию прежних патриархально-традиционных институтов, а путем развития институциональных форм «индивидуализма» (институтов свободы) и создания новых профессиональных групп и организаций, способных взять на себя функции коллективного контроля и защиты своих членов.

Вторая форма аномии – межсистемная – образуется всякий раз, когда общество переходит от одной экономической системы к другой, формирующей принципиально новые ценности, цели и средства их достижения. Такая аномия носит революционно-трансформационный характер и предполагает радикальные изменения институциональной среды. Собственно именно эта форма аномии стала объектом анализа у Э. Дюркгейма, по словам которого аномия — продукт неполноты перехода от механической к органической солидарности ибо объективная база последней — общественное разделение труда — прогрессирует быстрее, чем находит моральную опору в коллективном сознании. В этих условиях постоянно воспроизводится необходимое условие аномии – расхождение между двумя рядами социально порождаемых явлений: потребностями, интересами и возможностями их удовлетворения. В иерархических обществах (типа феодального) складываются предпосылки для цельной, неаномической личности, поскольку данное общество в достаточно длительной перспективе является устойчивым и сплоченным. При таких условиях формируются устойчивые и специфические для разных социальных слоев цели и ценности, что позволяло каждому ощущать осмысленность жизни в пределах своего узкого круга людей [4, с.9]. Именно поэтому в переходных состояниях аномия в большей степени приводит к апатии, разочарованию, агрессии, самоубийству.

Внутрисистемная аномия (третья форма) находит свое проявление в противоречиях между индивидуально принимаемыми и общественно-необходимыми нормами жизнедеятельности. Аномия человеческого поведения

включает два аспекта: один относится к обеспеченности действия определенными целями. Другой аспект обусловлен тем, насколько поставленные в обществе цели реализуемы. Ведь они могут быть усвоены и понятны, но недоступны к реализации. В этом случае аномия выступает как безнормость, которая приводит к отчуждению человека от условий своей жизнедеятельности, к социальной дезинтеграции (когда теряются ориентиры в поведении), слабостью социализации (при которой человек не усваивает нормы общества) и т. п. В этом случае возникает «конфликт норм в культуре», который предложил Р.Мертон, сделав важнейший после Э. Дюркгейма вклад в теорию аномии. Согласно взглядам Р. Мертона, аномия является результатом несогласованности, конфликта между разными элементами ценностно-нормативной системы общества, между культурно предписанными всеобщими целями и законными, институциональными (дозволенными) средствами их достижения. «Такая реакция возникает, когда индивид ассимилировал акцентирование цели без равнозначного усвоения институциональных норм, регулирующих пути и средства ее достижения» [5, с.105]. При аномии, даже если существует понимание общих целей, отсутствует признание формальных и неформальных институциональных способов действия, которые ведут к их достижению. Особой концентрации аномия достигает в экономической жизни, в которой укореняются цели денежного успеха. Такая ситуация складывается в условиях рыночного хозяйства, где господствуют институты стоимости и их производные. «В довольно большей степени деньги считаются самоценными независимо от того, используются ли они для потребления или же для увеличения могущества. Особенно хорошо деньги приспособлены для того, чтобы стать символом престижа, ... они в высшей степени абстрактны и безличны. Независимо от того, добыты ли они законным или же незаконным путем, деньги могут быть использованы для приобретения одних и тех же товаров и услуг, ... и поэтому степень «денежного успеха» выгодно неопределенна и относительна» [5, с.121]. Не каждый индивид в обществе может нормально связать общественные цели и приемлемые способы их достижения со своими поведенческими нормами. Невозможность достичь акцентированных обществом целей приводит к деинституционализации средств, что и приобретает патологические формы.

На основе аномии складываются институциональные аномалии и патологии, среди которых в настоящее время наиболее актуальными являются:

- о агенезия (неправильное развитие) необходимых для экономики институтов. Примером такой агенезии могут выступать институциональные способы приватизации государственной собственности, которые разрушили устойчивый образ жизни большинства людей, создав условия для асоциальных и противоправных форм экономического поведения;

- о остановка (или задержка) в развитии новых институтов и способов координации поведения. Примером чего может выступать особенности институционализации земельной собственности, что собственно спровоцировало теневые формы ее присвоения;

- о неадекватность операционно-процедурных инструментов процессам формирования и функционирования новых институтов. Такая ситуация возникает всякий раз, когда необходимая норма или закон принимаются без соответствующих механизмов их реализации, примером чего могут выступать процесс «отмывания» денег, который возник в результате отсутствия процедур контроля за движением денежных средств в банковской среде;

- о дисонтогенезия институтов, т.е. индивидуальная невосприимчивость институтов или несоответствие индивидуальных представлений санкционированным нормам. Такая аномалия возникает в случае непринятия индивидом или его социальным окружением происходящих институциональных преобразований. Чаще всего такая аномалия возникает при условии, когда трансакционные издержки формирования институционально-экономического статуса (к примеру, предпринимателя) становятся значительно выше достижимого для конкретного субъекта уровня, в силу чего возникают нелегальные виды деятельности;

- о деструкция институтов, т.е. их постепенное вытеснение вопреки внутренней потребности индивидов или их социальных групп. Примером может выступать деструкция таких институтов, как «дисциплина», «выполнение долга», «подчинение», «профессионализм», которые становятся неакцентрированными при институционализации экономики;

- о гипогенезия (недоразвитие) институтов. Такой процесс происходит при появлении новых институтов, становление которых еще не завершено, тем самым они не могут полно-

ценно осуществляться в уже существующей системе норм и правил. Примером чего может быть недоразвитие институтов спецификации прав собственности, что приводит к их размыванию, что породило такую патологию, как рейдерство;

- о гипергенезия (чрезмерное) развитие институтов. В этом случае институты охватывают значительно большую сферу, чем это необходимо для нормального функционирования. К примеру, предпринимательство в экономической жизни охватывает значительно большую сферу хозяйственной жизнедеятельности, чем способности и желания людей, занимающиеся им. Это приводит к необоснованному расширению челночных «противозаконных» видов деятельности ;

- о неправильное применение институтов вследствие отсутствия необходимых знаний об их функциях. Чаще всего такая аномалия возникает при трансплантации институтов, что приводит к закреплению «институциональных ловушек».

Аномальные формы имеют разный период воздействия на институциональные преобразования. Так важным становится выделение такого периода времени, в течение которого неблагоприятные аномичные явления могут привести к необратимым патологиям, изменить которые станет уже невозможным. Результатом такого запаздывания становятся «институциональные ловушки». Так, например, институт взяточничества настолько въелся в экономическую плоть общества, что даже трудно представить, сможет ли общество функционировать без него.

При сильной степени аномии легитимные цели и общепринятые ценности отступают на второй план. Они становятся не приоритетными или, по выражению Р.Мертон, не акцентированными. На первый план выдвигаются, т.е. акцентируются, частные цели, незаконные и неустойчивые формы поведения. Приоритетными стандартами поведения людей становятся внутригрупповые ориентиры и инициативы. На этой основе начинают формироваться «группы специальных интересов» [6, с.56], которые паразитируют на институциональной ренте, т.е. получают выгоду за счет навязывания обществу своих норм и правил.

Современное украинское общество характеризуется высокой степенью аномичности, поскольку рыночные ориентиры акцентируются на материальном (денежном) успехе, институциональные средства достижения которого

не подвластно значительной части общества в силу разных обстоятельств (отсутствие нужных способностей, приверженность другим культурным ценностям, усложненности нормативного доступа к законным видам деятельности и др.). Это приводит к подвижности институциональных ориентиров (мотивов, стимулов), и отсутствию нормальных образцов поведения. Состояние аномии, или неинституционализованной свободы (все дозволено), может удовлетворить только небольшие группы социально и экономически предприимчивых людей, быстро усвоивших неформальные нормы поведения. Но аномичность не соответствует потребностям значительной части социально активного населения (интеллигенции и цивилизованным предпринимателям), которая предпочитает действия в рамках закона. В условиях, когда большинство законодательных норм не выполняется или выполняется не так, как задумывалось, власти вынуждены издавать еще больше законов и постановлений, дополняющих, подтверждающих, корректирующих или исправляющих предыдущие. Поэтому по количеству вводимых норм и законов, степени их исполнения и противоречию их друг другу, можно судить о степени аномии в данном обществе. Зримым критерием аномичности развития является состояние коррупции в стране и количество совершаемых преступлений. Уровень аномии можно выразить также по степени мистификации общественного сознания. В обществе, страдающем аномией, общечеловеческие достоинства часто становятся непригодными. «В таком обществе люди впадают в мистицизм, все объясняя действиями «судьбы», «случая», «удачи» [6, с.105]. Сейчас в экономике нашей стране происходит трудная и болезненная трансформация институтов. Аномические процессы на этом фоне получают максимальное развитие. Прежние экономические институты утрачивают свое значение, а новые еще находятся на стадии становления. В этих условиях безнормно-

сти интенсивно возникают ситуации, когда предпочтительным становится выбор аномальный форм поведения. Именно в условиях широко распространенной аномии происходит рост преступности как патологического поведения. Думается, что концепция аномии в этой связи представляет для отечественной науки значительный научный интерес, так как содержит весомый, но пока еще у нас не использованный эвристический материал. Акцентирование внимания на аномалиях и патологиях в рамках экономической тератологии позволит не только углубить теоретическое познание данных процессов, но и выработать системный подход к их практическому искоренению.

Литература

1. Durkheim U. Rulers For Distinguishing Between The Normal and The Pathological / Durkheim U. Annual Editions, 96/97. Periodicals. Printed in the United States of America. – 1997. – 240 p.
2. Современная западная социология: Словарь. – М.: Политиздат, 1990. – 413 с.
3. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории / Ходжсон Дж.; [пер. с англ. М.Я.Каждана] –М.: Дело, 2003. – 464 с.
4. Осипова Е. В. Социология Эмиля Дюркгейма/ Осипова Е. В. – М.: 1977. – 321с.
5. Мертон Р. Социальная структура и аномия / Мертон Р. // Социологические исследования. – 1992. – № 3. – С. 104-114.
6. Вольчик В., Бережной И. Группы интересов и качество экономических институтов. // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – № 2. – Том 5. – 2007. – С. 56-65.

Статья поступила в редакцию 15.06.2009